

РОЗАНОВ В. Н. — в ПОМПОЛИТ

РОЗАНОВ Владимир Николаевич. Получил среднее образование. Священник. Проживал в селе Ямской Посад Алатырского района, служил в местной церкви. В декабре 1928 — арестован и заключен в тюрьму. В марте 1929 — обратился за помощью в Помполит.

<24 марта 1929>

«На днях я узнал, что в Москве существует общество "Красного Креста", которое принимает участие в деле облегчения участи заключенных при исправительных домах, почему и я решился осмелиться обратиться к Вам с покорнейшей просьбой. Дело в следующем: летом, в июле месяце 1928 г<ода>, последовало отношение от Алатырского Рика, через Ямско-Посадский сельский совет, на имя церковного совета, за подписью члена Рика Сурова, с предложением обсудить вопрос о проведении радио-антенны с церковной колокольни. Председатель церковного совета гр<ажданин> Макаров в один воскресный день после обедни объявил верующим гражданам, чтобы они пришли на общеприходское собрание для обсуждения означенного вопроса. Собрание состоялось в присутствии представителей власти, на котором постановили в отрицательном смысле. Я, как служитель культа, будучи обойден отношением Рика и не имея предупреждения со стороны церковного совета, а равно и сам себя считая лишним быть на каком будто ни было собрании, ушел в г<ород> Алатырь по своим личным делам, почему и не был на данном собрании. После этого собрания пошли интриги между верующими и радиолюбителями. Одни говорили, что проведем помимо вашего постановления, а другие отвечали им — "посмотрим"!.. И это зло росло, по крайней мере, недели три. Наконец, в один злополучный день суждено было случиться великому несчастью для меня. В этот день после вечернего богослужения вместе со своими сослуживцами я сидел у церковной сторожки. Вдруг, от здания сельского совета торопливо, чуть не бегом, направились к церкви четыре человека: член Рика Суров, милиционер, местный гражданин Осипов и радиотехник Грошев. Подошедши к нам, Суров обратился ко мне со словами: "Вы ничего не будете иметь, если мы заденем к колокольне проволоку?" Я ему ответил: "Хоть четыре... но только главный вход на колокольню заперт, и ключ находится у председателя церковного совета". Послали к председателю, но его не оказалось дома, он был на работе в поле, так как была страдная пора — жатва. Пока мы беседовали, этим временем подошла женщина, которая стала скандальничать с радиолюбителями, угрожая им, в крайнем случае, бить в набат в караульный колокол. Я же, чувствуя тут себя излишним, извинившись пред означенными выше т<оварищами> и сделав должный выговор женщине, пошел по направлению к своей квартире, находящейся на порядочном расстоянии от церкви. Немного я не успел дойти до квартиры, как раздался звон в караульный колокол. Меня крайне удивило то, как это могла вооруженная власть допустить безоружную женщину звонить в набат. Находясь в таком возбужденном состоянии, я хотел идти обратно к церкви со словами: "Пойду, набью морду тому, кто звонит". Жена же принялась меня уговаривать — не ходить, так как нельзя быть уверенным в том, что сумеешь успокоить толпу, собравшуюся на звон. Успокоившись немного, я стал соглашаться с женой: в самом деле — хорошо, я сумею водворить некоторый порядок среди бушующей толпы женщин, а если нет, и власть увидит меня среди них, то непременно заподозрит, как руководителя-бунтаря. Взвесив все это, я решил из своего дома никуда не выходить. В эту же ночь последовал арест некоторых граждан, а на утро — мой.

Я, сделав должное показание, был освобожден в этот же день, а вместе со мной и граждане. Затем начинаются происки некоторых злонамеренных людей, желающих, якобы, найти корень этого зла. С этой целью пошли нелепые слухи, явно распространяемые ими ложно, о том, что я будто говорил когда-то какую-то проповедь "радио вредящую"! Явились газетные заметки о мне, явно говорящие неправду о том, что я был на собрании, где обсуждался вышеозначенный вопрос. Конечно, всю вину свалить на одного, а особенно на священника — дело не трудное. Корень зла найден, и теперь, вот уже целых 3 месяца изолирован, как "контрреволюционер", — по самой строгой статье, статье 58-10, а дальше... — быть может, самое суровое наказание. Но так ли это? Справедливо ли это? И законно ли это?.. Если бы в 1918-1919 и, пожалуй, в 20 годах я, быть может, допустил бы такую несправедливость, но в 1929 году, когда уже власть стала на незыблемую почву, имея в своих руках все законы правосудия, прямо-таки больно как-то допустить, чтобы торжествовала такая неправда!

В самом деле, ведь агитация-то против себя вышла со стороны самой же местной власти, неосторожно выпустившей свое отношение с содержанием "обсудить". Где? — На общеприходском собрании верующих граждан. Местная власть не должна была быть в данном случае настолько близорукой. Она должна была предвидеть, если не хотела затевать игру "в бунт", — как отнесутся верующие граждане — за или против, и не должна была делать такие промахи, которые своим острием глубоко и больно втыкаются в сердца невинных людей. Так оно и случилось. Этот несчастный клочок бумаги воодушевил верующих граждан, дал возможность иначе смотреть на вещи, как власть имеющих, хотя бы над своей колокольней, — в результате отрицательное постановление. Недели через две после постановления получилась перемена декорации — применяется оружие. Спрашивается: при чем здесь агитация, при чем тут контрреволюция, когда наглядно видна ошибка, самоагитация местной власти? Вчера говорили "обсудить", а сегодня "знать не хотим". Самолюбие верующих, как нельзя лучше, забыто и в результате — вышеозначенное явление, причиной которого местная власть, а не я.

На вопрос — как же нужно было поступить? Я отвечаю: нужно было в один прекрасный день забраться на колокольню и прицепить антенну, ровно никого не спрашивая, как и поступили впоследствии. Меня же можно, если это будет законно, обвинить только за мой строжайший нейтралитет. Но я иначе не мог поступить, так как я находился между двух огней: с одной стороны, быть лишенному куска хлеба, а с другой, быть в доме исправления.

На основании вышеизложенного, покорнейше прошу упомянутое Общество "Красного Креста" оказать возможное в его распоряжении содействие в области внимательного отношения к моему делу, при каковых обстоятельствах я бы имел вернуть надежду на свое оправдание и тем бы укрепил в себе веру на существующее в наше время правосудие.

Поверьте же мне! Я являюсь козлом отпущения ошибки местной власти и глупости верующей массы!

Мое дело находится в Коллегии ОГПУ за № 233.

Заклученный при Чебоксарском исправ<ительно>-труд<овом> доме села Ямского Посада, Алатырского района, священник Владимир Розанов
<подпись>

1929 год 24 марта»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 351. С. 194-195. Автограф.